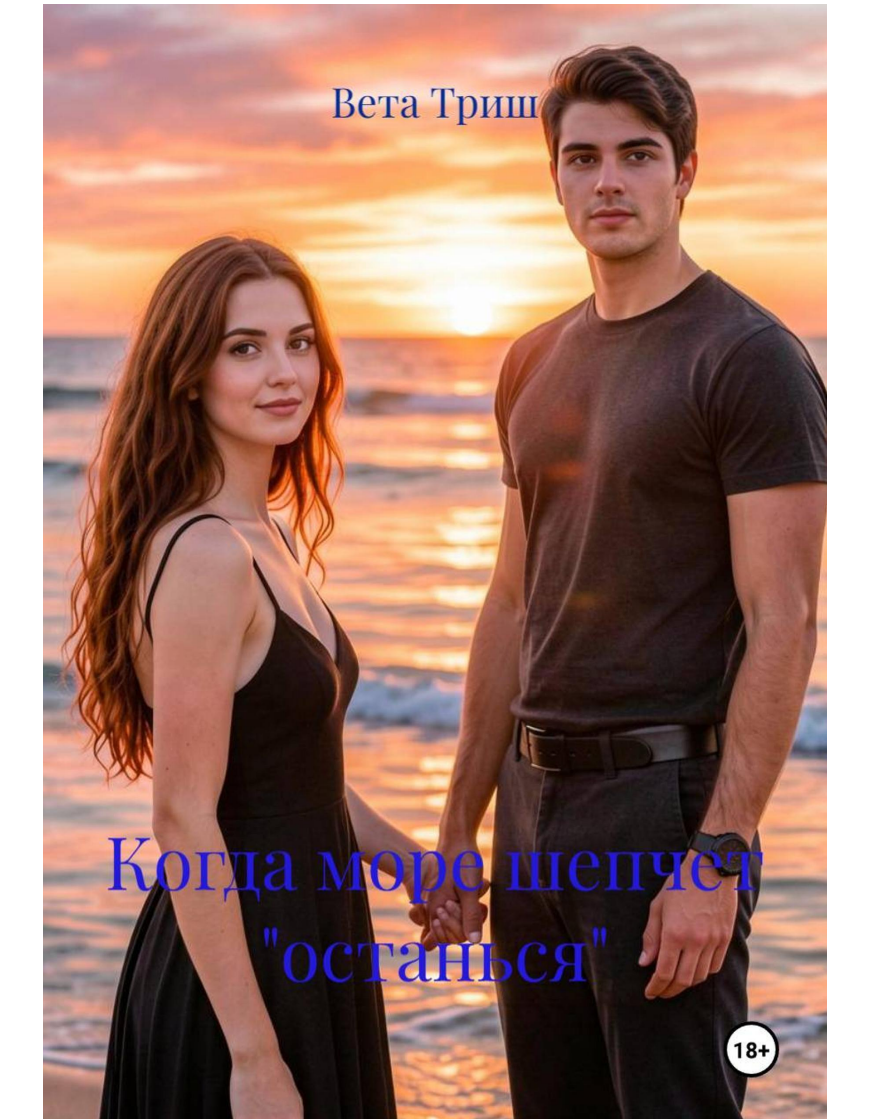


A romantic couple stands on a beach at sunset. The woman, with long wavy brown hair, wears a black spaghetti-strap dress and looks over her shoulder at the camera. The man, with dark hair, wears a black t-shirt and dark trousers, looking directly at the camera. They are holding hands. The background shows the ocean with waves and a bright, low sun creating a warm, golden glow across the sky and water.

Вета Триш

Когда море шепчет
"останься"

18+

Вета Триш

Когда море шепчет "останься"

<https://litres.ru/74367474>

SelfPub; 2026

Аннотация

Злата приехала в Тихую Косу, чтобы перевести дух, а вместо этого шагнула в чужую боль, чужую надежду и чужую тайну. Деревня держится на памяти о былом величии — и на хрупкой вере, что это величие можно вернуть. Вместе с жителями она берётся за восстановление храма, не подозревая, что спасает не только стены, но и собственное сердце. А рядом появляется человек, у которого за спокойными глазами — своя непростая история, и каждое его тихое «я позабочусь» звучит как обещание, которому хочется верить.

Содержание

ГЛАВА 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Когда море шепчет "останься"

ГЛАВА 1

На заправке будто само время замерло, а я всё ещё не до конца верила, что действительно решилась на этот шаг. Чёрные брюки сидели безупречно — привычная броня человека, который привык держать всё под контролем. Шёлковая рубашка цвета сливочного масла казалась нелепой посреди этой пустынной трассы: в офисе такой оттенок был уместен, не слишком яркий, но и не безликий, а здесь он будто кричал о том, что я чужая. Туфли на шпильках неприятно давили на пальцы — прямое напоминание о городской жизни, от которой хотелось сбежать.

Рыжие локоны то и дело выбивались из строгого пучка, лезли в глаза, щекотали щёки. Раньше я раздражённо откидывала их назад, а тут вдруг поймала себя на мысли: «Да пусть себе лезут». И эта маленькая непокорность вдруг ощутилась как свобода.

Машина стояла у колонки, я машинально проверяла, ровно ли она припаркована, будто даже здесь нужно было всё держать под контролем. Телефон в руке мерцал, пытаюсь построить маршрут, но интернет то вспыхивал, то исчезал.

Знакомое раздражение царапнуло изнутри — мир никак не хотел подстраиваться под мои планы. Носок туфли нервно постукивал по колесу: в городе этот ритм слился бы с шумом улицы, а здесь, в звенящей тишине, он звучал особенно отчётливо.

Наконец швырнула телефон на пассажирское сиденье, схватила кошелёк и направилась к кассе. Внутри пахло кофе, старыми журналами и чем-то простым, деревенским, почти забытым. За кассой стоял старичок с добрыми внимательными глазами и седыми усами, которые жили своей жизнью — то топорщились, то опадали, когда он улыбался. Он сразу понял, что я не из этих мест: слишком ухоженная, слишком собранная, будто воздух вокруг меня был плотнее от напряжения.

— Не подскажете, как долго до «Тихой Косы»? — спросила я.

Он кивнул, будто само название прозвучало как что-то почти забытое:

— Минут сорок, если не спешить. А вы к кому-то в гости или заблудились?

Улыбнулась не той уверенной улыбкой, к которой привыкла на совещаниях, а робкой, будто сама себе не верила:

— У меня отпуск.

Старичок будто понял что-то важное, чуть наклонил голову:

— Тогда хорошей дороги. Пусть ветер будет попутным.

Кивнула в ответ, развернулась и быстро завершила заправку. Двигатель мягко заурчал, и трасса потянулась вперёд, будто сама подталкивала меня дальше. С каждым километром город оставался позади, растворялся в шуме дороги, а впереди проступало что-то новое — тихое, незнакомое, манящее простотой.

Асфальт становился хуже, по обочинам тянулись невысокие заборы, на верандах сушились полотенца, у калиток стояли велосипеды. В садах цвели поздние флоксы и георгины, наполняя воздух густым медовым ароматом. Ветер ворвался в приоткрытое окно — свежий, солоноватый, с лёгкой горчинкой трав. Он трепал волосы, путал их, бросал в лицо. Просто улыбнулась, чувствуя, как напряжение медленно стекает с плеч.

У аккуратного белого заборчика пришлось резко нажать на тормоз: из дома 155 уже выходила невысокая женщина лет пятидесяти. Короткая стрижка, соломенная шляпка, льняное платье цвета травы, сандалии на босу ногу — в ней было столько спокойной уверенности.

— Доброго дня! Как добрались? Вы, бронировали дом на всё лето? — спросила она с лёгкой улыбкой, в которой не было ни суеты, ни показного радушия — только искренний интерес.

Вышла из машины, глубоко вдохнула этот особенный воздух — солёный, травяной, живой.

— Да, я Злата. Добралась быстро. Спасибо, что ждали.

Мария чуть наклонила голову, будто оценивая не слова, а то, как они прозвучали, и предложила:

— Давайте я сяду к вам, покажу самый короткий путь до домика. Он чуть в стороне, не сразу увидишь.

Не стала спорить — хотелось просто довериться кому-то, кто знает эти дороги. Мы поехали не спеша, и за окном проплывали детали, которых раньше я бы не заметила: полотенца на верёвках, запах нагретой солнцем полыни, чайки, кружившие над крышами. Через семь минут машина мягко остановилась у деревянного домика с голубыми ставнями. Дом будто утопал в зелени: по стенам вился плющ, у крыльца густо цвели флоксы, а из-за крыши виднелась полоса моря — серовато-синяя, спокойная, бесконечная.

— Вот он, ваш дом на эти три месяца, — тихо сказала Мария. — Пусть будет вам здесь хорошо.

Стояла и смотрела, не торопясь заходить, будто боялась спугнуть это чувство: дом будто действительно ждал меня.

Веранда встретила простором и видом, от которого перехватывало дыхание. Море лежало перед глазами, как огромная тихая книга. Два плетёных кресла и столик будто специально стояли тут для того, чтобы сидеть с чашкой чая и смотреть, как солнце садится в воду.

Внутри дом дышал покоем: дерево тёплое, чуть потемневшее от времени, цвета — белый, голубой, все оттенки коричневого. В гостиной хотелось остаться навсегда: уютный диван, вязаный плед, ваза со свежими полевыми цветами,

книжный стеллаж с ракушками и глиняной чашкой. Кухня в ретро-стиле манила сесть у окна и никуда не спешить.

Обойдя комнаты, коснулась ладонью деревянных поверхностей, вдохнула запах свежего дерева, моря и сухих трав. Напряжение, копившееся годами, начинало таять. Здесь не нужно было ничего доказывать, никого убеждать, никуда бежать. Здесь можно было просто быть.

На веранде села в плетёное кресло, закрыла глаза и позволила себе услышать то, что так долго заглушалось гулом мегаполиса: крик чаек, шелест ветра, тихий шёпот волн.

— Я приехала. Теперь можно просто дышать, — прошептала, проверяя, как звучит эта фраза в новой тишине.

Мария ещё немного постояла рядом, будто давая время привыкнуть, а потом начала рассказывать про Тихую Косу — так, как рассказывают тем, кто приехал не на день, а чтобы почувствовать, как тут живут.

— У нас тут всего пятьсот один человек, — говорила она, обводя рукой горизонт. — Вроде немного, а каждый день что-то происходит. Вон там, за поворотом, храм восстанавливают своими силами: кто кирпич привезёт, кто день работы подарит, кто обед соберёт. Отец Михаил наравне с мужиками доски таскает. Говорит, что храм не только молитвой держится, но и руками.

Слушала и чувствовала, как в груди становится теплее. В прошлой жизни «своими силами» означало «ты одна должна успеть всё до дедлайна», а здесь это звучало как «мы вместе,

и потому справимся».

Когда Мария замолчала, тихо сказала:

— Спасибо. Я даже не думала, что тут столько жизни.

Она кивнула, будто поняла без слов:

— Если что, я в соседнем доме. А сейчас, наверное, хочется просто побыть, разобрать вещи, осмотреться.

И ушла, легко ступая по тропинке, оставляя наедине с этим новым ощущением: будто время здесь течёт иначе — не кусками по сорок пять минут между встречами, а широкой спокойной волной.

Два чемодана посреди гостиной выглядели как молчаливые напоминания о прошлой жизни. Первый был набит стильными вещами с ещё не срезанными этикетками — обещаниями, которые годами откладывались. Второй чемодан оказался красноречивее: косметика, книги, провода, зарядки, ноутбук, наушники — целый арсенал, чтобы быть на связи и не выпасть из ритма.

Постояла, глядя на всё это, и вдруг поняла: не хочется доставать планшет, не хочется включать наушники, чтобы заглушить тишину. Даже косметика казалась лишней.

Решительно направилась в ванную. Тёплая вода смывала не только дорожную пыль, но и остатки городской суеты — ту самую невидимую броню из «надо срочно» и «успеть до пяти». На несколько минут весь остальной мир перестал существовать.

Из ванной вышла в лёгком хлопковом халате, волосы

оставила влажными, чуть выющимися. Впервые за долгое время не нужно было выглядеть «готовой к совещанию».

Взгляд зацепился за стопку книг на полке, и сердце дрогнуло. Среди них лежала потрёпанная «Поющие в терновнике» — книга, которую столько раз начинала и откладывала. Взяла её в руки, провела пальцами по обложке, будто проверяя, настоящая ли она.

Солнце клонилось к закату, окрашивая море в золотисто-розовые оттенки, а ветер шевелил страницы, будто торопил: «Читай, читай, время есть». Открыла на закладке, глубоко вдохнула и начала читать. Слова ложились ровно, без спешки, и с каждой строчкой город становился всё дальше, растворялся в шуме прибоя.

И впервые за долгое время не думала о том, сколько страниц успею прочитать до сна. Просто читала. И этого было достаточно.

Глава 2

Меня разбудил настойчивый, но не грубый стук в дверь — такой, какой бывает у людей, которые точно знают: ты дома, просто не ждёшь гостей. Я резко села, и на секунду мир поплыл — я не понимала, где нахожусь. Вокруг была не моя привычная спальня с плотными шторами и тиканьем электронных часов, а залитая мягким светом комната, пахнувшая морем и сухими травами. Сквозь приоткрытое окно доносился ровный, убаюкивающий шум прибоя.

И вдруг всё вернулось: Тихая Коса, домик с голубыми ставнями, «Поющие в терновнике», рассвет на берегу... Не дожидаясь, пока голова окончательно прояснится, я соскочила с постели, накинула тот самый лёгкий халат — он вчера будто специально обнимал плечи, обещая, что тут всё будет иначе, — и бросилась к двери.

На пороге стояла девушка лет тридцати. В ней угадывалось что-то от Марии — те же спокойные, серьёзные глаза, но в глубине пряталась весёлая искорка, будто она всё время балансировала на грани смеха. На ней была простая бежевая футболка, серые джинсовые шорты, обрезанные у колен, русые волосы заплетены в небрежную косу, на голове — потёртая кепка, явно любимая. В руках она держала большую плетёную корзину, от которой шёл тёплый, домашний запах.

— Привет! Ты спала? Ой, прости, пожалуйста, что разбу-

дила, — быстро проговорила она, чуть наклонив голову, будто пыталась сквозь утренний свет разглядеть, не слишком ли сильно потревожила. — Тебя не было видно со вчерашнего дня, а в доме кроме чая и кофе ничего же не было. Мама испекла для тебя пирог с абрикосами.

Я на секунду замерла, не зная, как реагировать. В моей прошлой жизни «зайти без звонка» означало либо чрезвычайную ситуацию, либо что-то, что нужно срочно подписать. А тут это было просто: «ты новенькая, ты, наверное, голодная, держи пирог». И от этой простой, бесхитростной заботы у меня вдруг защемило в горле — не от обиды, а от облегчения, будто с плеч свалился невидимый груз.

В корзине, кроме пирога, оказалась банка молока, десяток яиц, творог и домашний сыр — всё такое настоящее, будто только что сделанное.

— Меня зовут Алёна, — добавила девушка, чуть улыбнувшись и поправляя кепку. — У нас с мужем семейное хозяйство, ферма. Если будет желание прийти в гости — живём в другой стороне, на машине минут пятнадцать ехать.

Сначала я удивилась этому порывистому, почти родному гостеприимству. А потом сама не заметила, как расплылась в улыбке — широкой, искренней, той самой, которую в офисе давно разучилась показывать.

— Спасибо, — сказала я, и голос прозвучал непривычно мягко, без привычной деловой собранности.

Алёна кивнула, чуть прищурилась от солнца:

— Ну, я пойду. А то у нас коровы не любят, когда опаздывают. Если что, я всегда тут.

Она махнула рукой и пошла по тропинке — легко, пружинисто, как человек, который точно знает, куда идёт.

Когда дверь за ней закрылась, я ещё немного постояла, сжимая корзину, вдыхая запах абрикосового пирога, и вдруг осознала: никто не просил меня быть продуктивной. Никто не ждал отчёта. И я сказала вслух, будто проверяя, как звучит правда, когда её не нужно оправдывать:

— Я зачиталась практически до самого рассвета. Потом встретила его на берегу. И только потом пошла спать.

Слова легли в утренний воздух и не повисли неловкой тишиной — они просто стали частью этого дня.

Не теряя ни минуты, я поставила корзину на кухонный стол, достала пирог, отрезала кусок, налила в кружку холодное молоко и выскользнула на веранду. Солнце уже поднималось выше, море сверкало, будто специально для меня, а ветер шевелил страницы книги, оставленной в кресле. Сегодня не нужно было никуда бежать. Сегодня можно было просто есть пирог, смотреть на море и чувствовать, как город постепенно перестаёт тянуть меня назад.

День рванулся вперёд, лёгкий и стремительный, будто разом стёр все прежние расписания. Я нырнула в море и плавала, пока вода не стала казаться особенно прохладной, потом загорала на песке, чувствуя, как солнце мягко вытягивает из мышц привычное напряжение. Когда солнце начало припе-

кать уже не ласково, а настойчиво, я сорвалась с места, метнулась в домик, рухнула на кровать и уснула — глубоко, без сновидений, как спят люди, которые наконец-то позволили себе выдохнуть.

Проснувшись, я почувствовала настоящий голод — не тот, когда ешь просто чтобы не упасть, а тот, когда хочется именно вкуса. Решительно встала, достала продукты, быстро, но с удовольствием приготовила себе ужин: стейк, овощи на гриле и бокал холодного красного вина. Накрыла себе на веранде — простая тарелка, вилка, бокал, вид на темнеющее море. И ела медленно, прислушиваясь к себе, к этому вечеру, к тишине, которая теперь не казалась пустой, а была наполнена шёпотом волн и криками чаек.

Тишина оборвалась резко — и этот звук врезался в меня, как лезвие: громкий выстрел прорезал воздух, будто ножом распорол спокойную ночь. В ту же секунду всё взорвалось криками, детским плачем, чьими-то надрывными призывами о помощи.

Я вскочила, и сердце ударилось о рёбра так сильно, что на миг перехватило дыхание. Но паника не успела схватить меня за горло — внутри щёлкнул холодный, трезвый механизм: сейчас не время для страха, сейчас надо действовать. Быстро. По делу.

Не думая, я метнулась к машине. На ходу рванула багажник, схватила битую — просто чтобы в руке было хоть что-то, чтобы чувствовать себя хоть немного защищённой. Пальцы

впились в шершавую поверхность, и это короткое ощущение твёрдости придало сил. Я запрыгнула за руль, щёлкнула ремнём, мотор взвыл, и машина рванула вперёд, будто сама рвалась туда, где нужна помощь.

Пять минут. Всего пять минут по тёмной дороге, где фонари вспыхивали редкими пятнами света, а тени от деревьев метались по асфальту, как живые. И вот он — дом, окружённый толпой. Головы повернулись ко мне, кто-то махал, кто-то выкрикивал что-то неразборчивое, слова тонули в общем гуле. В центре этой суеты стояла Алёна — бледная, прижимавшая к себе мальчика лет пяти, и лицо у неё было такое, будто она изо всех сил держится, чтобы не рассыпаться на части.

Я оставила битую машину — сейчас она была не нужна — и бросилась к ней.

— Что случилось? — схватила Алёну за плечо, но тут же смягчила голос, увидев, как она вздрагивает, будто от удара.

Алёна посмотрела на меня глазами, в которых плескался ужас пополам с отчаянием, и выдохнула, словно выдавливая из себя каждое слово:

— У нас посиделки были у соседей... мальчишки залезли в кабинет к отцу. Он днём перебирал и чистил оружие, оставил всё на столе... Глеб, его сын, ему пятнадцать... он случайно выстрелил себе в ногу. Ногу перевязали, но надо срочно в город, в больницу...

Слова падали, как камни, — тяжёлые, неотменимые. На

секунду я замерла, чувствуя, как внутри всё сжимается, а потом выдохнула и сказала чётко, без лишних вопросов:

— Ведите его ко мне. Я отвезу. У меня машина, я знаю дорогу.

Высокий мужчина с тёмными кругами под глазами — видимо, отец Глеба — кивнул и быстро пошёл к дому. Через минуту он вынес Глеба: тот был бледный, зубы стиснуты, чтобы не кричать, но по глазам было видно, как сильно ему больно. Каждая секунда тянулась, как резина.

Рядом с Глебом на заднем сиденье села его мама — Аня. Она тут же прижала сына к себе, шептала что-то, гладила по волосам, будто этим могла забрать хоть каплю его боли. На переднее сиденье сел отец — Виктор. Его пальцы крепко вцепились в ручку над дверью, лицо было каменным, но в глазах читалась паника, которую он изо всех сил прятал.

— Держитесь все, — коротко сказала я, захлопнула свою дверь и перевела взгляд на дорогу. Сердце колотилось где-то в горле, но руки лежали на руле твёрдо.

Виктор коротко кивнул:

— Поехали.

Я вдавила в пол педаль газа, и машина рванула в сторону города. Ветер ворвался в приоткрытое окно, швырнул мне в лицо выбившиеся пряди волос, но я не стала их убирать — мне нужно было видеть всё: дорогу, повороты, знаки, каждую выбоину. Я должна была ехать быстро, но не растряссти Глеба лишний раз. Каждый метр казался испытанием:

успеть, не навредить, не потерять ни секунды.

До больницы мы доехали быстро — я держала скорость, но при этом выкручивала руль, объезжая самые глубокие ямы, чувствуя, как машина подпрыгивает, и молясь, чтобы тряска не усилила боль Глеба. Как только машина остановилась, Виктор, не дожидаясь, пока кто-то откроет дверь, выскочил и на руках занёс сына внутрь. Следом забежали Аня и я, чуть не сбив с ног санитарку в белом халате, — всё слилось в один стремительный поток движения.

В приёмном покое всё закрутилось: крик, свет, быстрые шаги, хлопанье дверей. Вышел взрослый доктор — не суетливый, не торопливый, а такой, будто привык, что мир иногда рушится, и его дело — собирать его обратно. Он быстро осмотрел Глеба, пощупал пульс, проверил перевязку, потом спокойно, без лишних интонаций, сказал:

— Похоже, пуля прошла навылет. Ничего страшного, но рану нужно обработать, зашить, понаблюдать. Сейчас подойдёте в приёмном покое, пока оформите документы, потом его заберут.

Слова «ничего страшного» прозвучали как глоток воды после долгого бега. Аня будто обмякла, колени чуть подогнулись, и если бы не я, она бы, наверное, просто сползла на пол. Я успела подхватить её, прижать к себе на мгновение — крепко, но не больно, так, как держат, когда нельзя отпустить.

— Можно выдохнуть, — тихо сказала я. — Всё будет хо-

рошо. Слышишь? Уже можно просто дышать.

Аня кивнула, сжала мои пальцы в ответ, и по щеке скатилась одна-единственная слеза, которую она тут же смахнула, будто стыдясь слабости.

Через какое-то время снова вышел доктор:

— На всякий случай оставим его на пару дней. Рана не критичная, но лучше под наблюдением. Сейчас он уже спит — обезболивающее подействовало.

Аня тут же встрепенулась:

— Я останусь с ним.

Доктор кивнул:

— Конечно. Палата на двоих, можете быть рядом.

Виктор вернулся с пачкой бумаг, выдохнул, будто сбросил тяжёлый рюкзак, и посмотрел на меня:

— Спасибо. Без тебя мы бы... даже не знаю, сколько бы ещё решали, кто поедет.

Я только махнула рукой:

— Не надо. Главное, что успели. А утром нужно будет привезти вещи для Глеба. Я помогу.

Виктор на секунду замер, кивнул:

— Да. Спасибо.

Мы ехали обратно в Тихую Косу в тишине, которая уже не была напряжённой. Виктор сидел рядом, смотрел в окно, где темнота поглощала поля и редкие огоньки домов, и вдруг заговорил — тихо, будто стесняясь своих слов:

— У меня разрешение на оружие. Я охотник. Давно уже.

Всё по правилам. А тут... из головы вылетело, что дверь в кабинет не запер. Глеб ведь не маленький, я думал, он понимает, что нельзя трогать. Думал, можно доверять.

Голос его дрогнул, и он резко отвернулся к окну, будто пряча это дрожание.

— Это не про доверие, — тихо ответила я. — Это про то, что мы не можем предусмотреть всё. Особенно когда устаём.

Виктор снова кивнул, уже не так жёстко, будто мои слова легли куда-то внутрь и немного смягчили вину.

— У нас двое детей, — добавил он чуть тише. — Глеб старший, а младшая, Лиза, ей десять, сейчас у родителей жены в другом городе. Если она узнает... я не хочу, чтобы она боялась.

Я помолчала, подбирая слова, чтобы не звучать как кто-то, кто пришёл с советами:

— Тогда мы скажем ей, что всё хорошо. Что Глеб поправится. И что папа рядом. Этого достаточно.

Виктор посмотрел на меня, впервые за вечер чуть расслабив плечи:

— Ты давно в большом городе живёшь?

И я вдруг рассказала о себе — коротко, без хвастовства, просто как есть: про мегаполис, про компанию, про то, как работала без отпусков, как копила вещи и книги, которые так и не успела надеть и прочитать. И как наконец решилась приехать сюда, чтобы просто дышать.

Мы даже посмеялись — не над тем, что случилось, а над

нелепостью жизни: над тем, как я приехала в отпуск, чтобы ничего не делать, а в первый же вечер мчалась по тёмной дороге, спасая почти незнакомого мальчика.

Я подбросила Виктора до дома, подождала, пока он войдёт, убедилась, что свет загорелся в окне, и только потом поехала дальше.

Дома я зашла, посмотрела на свой так и не съеденный ужин на веранде, аккуратно убрала тарелку, сложила приборы, а бокал с вином взяла с собой. Села в плетёное кресло, сделала один глоток — вино было уже не ледяным, а тёплым, но вкусным, как бывает, когда день был длинным и настоящим.

Море шумело, звёзды высыпали на небо, и впервые за долгое время я не чувствовала, что должна что-то успеть. Я просто посидела, глядя на тёмную полосу горизонта, где море сливалось с небом, и подумала: «Я здесь. И сегодня я сделала что-то важное».

Потом я легла спать и уснула сразу, без ворочаний и мыслей о завтрашних делах. Мне снилось море, ровный шум прибоя...

Глава 3

Утро началось не с надрывного рока, который когда-то должен был вытряхнуть меня из сна любой ценой. Не с пяти будильников, не с холодного душа, что бил по плечам, как ушат ледяной воды, заставляя мозг включиться по команде. Проснулась сама — спокойно, без рывка. Просто открыла глаза и поняла: выспалась. Впервые за долгие годы утро не было битвой, которую нужно выиграть любой ценой.

Встала, потянулась — и по спине пробежала приятная волна, не напряжения, а лёгкости. Вместо привычного ритуала «выжить и собраться» шагнула под тёплый душ: вода мягко обнимала кожу, смывая остатки сна.

Неторопливо смолочила зёрна, втянула густой, орехово-пряный аромат — и в этом запахе вдруг всплыли какие-то забытые ощущения из детства: лето, веранда, тишина. Насыпала в турку, поставила на плиту и замерла, следя, как поднимается пенка — медленно, по-своему, не спеша. Кофе получился крепким, густым, настоящим.

Налила его в керамическую чашку, вышла на веранду. Воздух ещё хранил ночную прохладу, но уже пах морем и нагретой солнцем травой. Сделала первый глоток — не на ходу, не глядя в экран, а просто так: чувствуя тепло чашки в ладонях, вкус, тишину вокруг. И в этом простом завтраке было столько покоя, что на секунду даже стало немного

страшно: а вдруг разучилась жить в таком ритме?

Одевалась без спешки. Не строгий костюм, который должен был «держатъ осанку и авторитет», а лёгкий комплект винного цвета: шорты, рубашка с коротким рукавом, под неё — чёрный топ. Босоножки, сумка через плечо. Всё просто, удобно, свободно. Открыла чемодан, достала планшет и зарядку, положила в сумку. Мелькнула мысль: «В больнице будет скучно. Пусть хоть фильмы посмотрит или в игру поиграет. Хотя что-то, чтобы не смотреть в потолок».

Когда подъехала к дому Виктора и Ани, там уже кипела тихая, заботливая суета. Алёна собирала вещи для Глеба: сменные футболки, книгу, которую он когда-то начал читать, но не дочитал, даже тёплые носки. Виктор стоял рядом, собранный, будто снова взял на себя роль того, кто «всё держит». Рядом с ним разговаривал крепкий, спокойный мужчина с внимательными глазами — оказалось, это Лёша, муж Алёны.

Из дома вышла Мария с несколькими контейнерами, от которых шёл такой аромат, что сразу защекотало в носу.

— Доброе утро! — улыбнулась Мария. — Это всё для Глеба. Баба Нюра с четырёх утра стояла у печи. Говорит, что в больнице должна быть хоть капля настоящего тепла.

Не успела и слова сказать, как тут же усадили в беседку, в одну руку сунули кружку с травяным чаем, в другую — сочник, горячий, с золотистой корочкой и щедрой начинкой. Рядом, чуть прищурившись, сидела баба Нюра — маленькая,

сухонькая, с живыми глазами и морщинками, которые собирались в весёлые лучики, когда она улыбалась.

— Ну, пробуй, не стесняйся, — подтолкнула она сочник поближе. — У нас дело потомственное, ещё моя бабушка начинала. Сейчас внук рулит, молодой, красивый, как я в молодости, — она хитро подмигнула, и смех сам сорвался с губ.

Сочник и правда оказался самым вкусным в жизни — не из-за рецепта, а из-за той теплоты, с которой его давали. Быстро выпила чай, доела сочник, чувствуя, как внутри становится теплее не только от выпечки, но и от этой простой человеческой заботы. Вещи аккуратно погрузили в машину. Виктор коротко кивнул — будто благодарил без слов, — и тронулись в больницу.

По дороге почти не говорили. Виктор смотрел в окно, иногда коротко кивая, когда предлагала что-то: «Можно взять ему наушники, чтобы шум не мешал», «Или, может, какие-то журналы?», «А планшет я уже взяла». Его тихое «спасибо» звучало как смесь тяжести и облегчения — и этого было достаточно, чтобы не болтать лишнего.

Город встретил привычной суетой, которая раньше казалась родной стихией, а теперь выглядела чужой — слишком быстрой, слишком громкой.

Когда вошли в палату, Глеб лежал с закрытыми глазами: бледный, но уже не такой напряжённый, как вчера. Аня сидела рядом, держала его за руку. При виде них в её глазах вспыхнуло такое облегчение, будто с плеч сняли что-то

очень тяжёлое.

— Привезли вещи, — тихо сказал Виктор, подходя к кровати.

Глеб приоткрыл глаза, увидел планшет, который протянула ему, и впервые за эти сутки чуть улыбнулся:

— Спасибо.

Одной этой улыбки хватило.

Задержалась в больнице на пару часов — не из чувства долга, а потому что видела, как понемногу уходит застывшая тень боли из его глаз, уступая место живому интересу. Болтали обо всём понемногу и быстро сошлись на главном — на шахматах. Оказалось, Глеб не просто так их любит: ездил на соревнования, взял первое место. Ещё занимался карате и спокойно, без хвастовства, рассказывал, как важно держать равновесие не только в стойке, но и в голове.

— Шахматы меня этому и учат, — сказал он, чуть наклонив голову, будто сам удивлялся, что произносит это вслух. — Там ведь тоже нельзя торопиться. Один неверный шаг — и всё.

Вспомнила себя в его возрасте и улыбнулась:

— А я в школе ходила на шахматы, потому что там был мальчик, который мне нравился. Сама не заметила, как втянулась. У нас тренер был — бывший военный. Он всегда говорил, что каждая партия — это сражение войск. Объяснял всё так, будто мы не фигуры двигаем, а приказы отдаём: пехота, кавалерия, разведка... Мне это ужасно нравилось.

Глеб слушал, чуть подавшись вперёд, будто боялся пропустить слово.

— То есть ты тоже видела в этом не просто ходы, а целую битву? — спросил он.

— Именно так.

Он помолчал, потом вдруг оживился:

— Когда меня выпишут... может, сыграем? У нас тут особо не с кем сражаться, особенно в каникулы.

Глаза загорелись не от восторга, а от надежды, что этот кусочек нормальной жизни — с игрой, с разговорами — не исчезнет.

— Конечно, сыграем, — улыбнулась я. — Правда, сто лет не играла, так что, скорее всего, ты меня быстро победишь. Но я постараюсь не сдаться на пятом ходу.

Впервые за день он рассмеялся — тихо, осторожно, будто проверяя, не сделает ли это больно, но смех всё-таки вырвался, лёгкий и настоящий.

Показала, что есть на планшете: пара шахматных приложений, книги, игры, не требующие много сил. Глеб кивнул, будто складывал это всё в свой внутренний «запас хорошего», и просто сказал:

— Спасибо.

Аня всё это время стояла рядом, иногда касаясь сына, будто убеждаясь, что он здесь, живой, разговаривает, смеётся. Когда собралась уходить, достала кошелёк и попыталась дать деньги — за бензин, за время, за всё, что казалось ей долгом.

— Пожалуйста, возьми. Хотя немного. Ты столько сделала...

Мягко, но твёрдо накрыла её руку своей:

— Если ты продолжишь, ты меня обидишь. Правда. Для меня эти деньги — не проблема. А вот то, что ты сейчас переживаешь... это проблема. Пусть хоть что-то будет проще.

Она замерла, потом медленно кивнула. В глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение: поняла, что можно просто принять помощь, не расплачиваясь за неё.

Виктор решил остаться с сыном. Аня поедет к родителям — выдохнуть хоть немного и повидаться с дочкой Лизой. Подбросила её до дома, подождала, пока войдёт, помахала из машины. И вдруг решила: сегодня не поедет сразу назад в Тихую Косу. Сегодня хотелось просто побыть в этом приморском городке — не мегаполисе, но и не крошечной деревушке. В нём чувствовалась своя, особенная жизнь: шумная, туристическая, пахнувшая морем и жареными лепёшками, наполненная смехом и разговорами на разных языках.

Припарковалась недалеко от набережной, пошла по променаду. Слушала, как кричат чайки, как смеются дети, как продавцы зазывают попробовать морепродукты. В конце концов зашла в ресторан с верандой прямо на берегу моря. Стол у перил, солёный ветер, вид на волны. Заказала рыбу на углях — нежную, с хрустящей корочкой, пахнущую дымком и лимоном, — и безалкогольный мохито, освежающий, с лёгкой кислинкой.

Пока ждала заказ, смотрела на море и ловила странное, почти забытое чувство: впервые за долгое время не было вины за то, что просто сидишь и ничего не делаешь. Не проверяешь почту, не сверяешь планы, не думаешь, как успеть всё сразу. Просто ешь рыбу, пьёшь мохито и смотришь, как солнце ложится бликами на воду.

Когда вернулась к машине, включила джаз — негромко, чтобы он не заглушал шум города и моря, а просто добавлял этому дню свой ритм. И поехала назад, в свой домик у моря, чувствуя, как внутри потихоньку укладывается всё, что случилось за эти два дня: и страх, и спешка, и чужой мальчик, которому стало легче, и собственное право просто быть здесь.

Приехав в деревушку, решила заехать посмотреть на храм, про который рассказывала Мария. Припарковала машину у подножия холма и пошла вверх по каменной лестнице. Ступени были старые — местами потрескавшиеся, кое-где поросшие тонкой травой, но всё ещё прочные, будто сложенные на века. Каждый шаг отдавался глухим эхом, а с каждым новым пролётом панорама Тихой Косы становилась шире, будто город потихоньку раскрывался, как створки раковины.

На самом верху, у входа, обернулась — и деревня легла перед глазами как на ладони: аккуратные домики, узкая лента дороги, уходящая к морю, и само море — синее, бескрайнее, чуть рябое от ветра. Храм из красного кирпича выглядел од-

новременно величественным и немного усталым. В половине здания не было окон, а в тех, что остались, витражи поражали глубиной цвета: сквозь них свет ложился на пол цветными пятнами, и от этого дух захватывало.

Обошла храм по кругу. Тут и там виднелись следы бережной заботы: доски, банки с краской, аккуратные стопки материалов — никакого хаоса, скорее, чувствовался строгий порядок, будто каждый скол и трещина были на учёте.

Недалеко от храма стоял небольшой домик, похожий на сторожку. Из него вышел мужчина: чёрные длинные волосы собраны в низкий хвост, аккуратная борода, подтянутая фигура, широкие уверенные шаги. На вид ему было не больше сорока, а глаза — ярко-голубые, спокойные, будто видели многое и оттого не спешили удивляться.

— Добрый день, — вежливо поздоровался он. — Я отец Михаил. Как дела у Глеба? Помощь не нужна?

Даже не удивилась, что здесь все всё знают. В мегаполисе о тебе могли не знать даже имени соседа по лестничной клетке, а здесь, в Тихой Косе, жизнь текла иначе — тесно, породному.

Назвала своё имя, коротко рассказала, что с Глебом всё в порядке: нога обработана, его оставили под наблюдением. А потом, повинувшись внезапному порыву, попросила, если отец Михаил не занят, рассказать про храм.

Он улыбнулся и кивнул:

— Конечно. Пройдём внутрь.

Внутри храм оказался единым просторным помещением с высоким потолком и колоннами, которые будто держали на себе само небо. В углу стояла икона, перед ней тихо горела лампадка, а вокруг — росписи на стенах. Некоторые из них были выцветшими, другие — с трещинами, где-то краска стёрлась совсем, обнажая слои времени. Но даже в этом полуразрушенном величии чувствовались сила и покой, будто само место знало, как хранить тишину.

Отец Михаил рассказывал спокойно, без пафоса: про историю храма, про мастеров, про то, как росписи спасали по кусочкам, как собирали пожертвования, как сами жители приходили помогать — кто руками, кто деньгами, кто просто молитвой. Голос его не торопился, слова ложились ровно, будто каждое было на своём месте.

Слушала, впитывая каждую деталь, а потом вдруг, сама не зная зачем, спросила:

— Я верю в Бога. Но не была в церкви больше десяти лет. С детства бабушка говорила: «Бог у каждого в сердце». А когда её не стало, сначала учёба, потом работа... И времени не находилось. Это большой грех?

Отец Михаил посмотрел не строго, а с той особой теплотой, которая бывает у людей, привыкших видеть чужую усталость и не судить за неё.

— Бог у каждого в сердце. И если твоё сердце помнило об этом все эти годы, разве это забвение?

От этих слов вдруг стало легче, будто сняла с плеч что-то

тяжёлое, о существовании чего и не догадывалась.

— Спасибо, — тихо сказала.

Он снова кивнул:

— Пойдём, я напою тебя чаем. У меня как раз свежий мёд есть, с местной пасеки.

Пошла за ним в тот самый маленький домик рядом с храмом. Внутри было уютно: деревянные полки, книги, самовар на столе, запах трав и мёда. Он поставил чашкой чая, положил рядом ложку для мёда, сел напротив — не торопясь, не пытаясь заполнить тишину словами.

Говорили о разном: о деревне, о море, о том, как город вытягивает силы, а тишина — возвращает. Слова не сыпались потоком, они появлялись тогда, когда были нужны, и снова уступали место спокойствию.

И в какой-то момент поняла, что впервые за долгое время не чувствует себя чужой. Здесь можно было просто сидеть, пить чай и смотреть, как солнце медленно сползает к горизонту, окрашивая красный кирпич храма в тёплый золотой цвет. Лучи скользили по стенам, будто гладили их, и в этом свете даже трещины казались не изъянами, а следами прожитых лет — достойными, родными.

Глава 4

Следующий день проспала почти до обеда — и это было не из-за усталости, а из-за той самой редкой, почти забытой тишины внутри, когда мозг наконец понял: «Сегодня можно не бежать». Проснувшись, потянулась, улыбнулась своим мыслям и, не раздумывая, надела ярко-розовый купальник — бикини на завязочках, который раньше валялся в чемодане «на всякий случай», а сегодня вдруг стал главным героем дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.